

Перепечкина С.Е. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ГЕРМАНИИ

The aim of the suggested article is to research the typology of the linguistic situation in Germany and to determine its differential features on the modern stage of Germany's society development. Numerous examples and statistic data are given to explain clearly the main idea of the things said.

В настоящее время пристальное внимание лингвистов привлекают социолингвистические исследования, в частности, вопросы функционирования языка в связи с развитием общества. В центре внимания ученых продолжают оставаться и такие глобальные проблемы, как социальная дифференциация языка, языковые контакты, двуязычие и многоязычие, языковая политика, культура речи (см. работы Ю.А. Жлуктенко, О.С. Семенца, О.Б. Ткаченко, А.И. Чердниченко и др. [1–24]). Все они прямо или косвенно отражаются в исследовании языковых ситуаций, разнообразие которых на Земле бесконечно (см. об этом [25]). Ведь в каждом государстве складываются свои социальные, культурные и этноязыковые условия существования языка или сосуществования разных языков. При этом каждый из них имеет свой социальный статус, в котором преломляется социально-политическая неоднородность мира: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования и т.п.

Связь истории языка и истории общества очевидна: языковые ситуации в первобытных обществах, в средние века, в новое время имеют свои особенности, которые можно исследовать в диахронии и синхронии. Об этой взаимосвязи свидетельствуют также языковые последствия таких социальных потрясений, как революции, гражданские войны: нарушается прежний нормативно-стилистический уклад языка, обновляется политическая лексика и фразеология (см., напр., работы А.М. Селищева, С.И. Карцевского, В. Клемперера [26–28]). В отношении Германии к таким социальным потрясениям можно отнести разделение страны (1949) и ее объединение (1990), повлекшие за собой не только перестройку социально-экономических основ, но и обусловившие появление в языке особенностей на лексико-семантическом уровне – маркеров новой политико-экономической реальности.

Ввиду того, что языковая ситуация в Германии достаточно нестабильна, исследование ее, несмотря на ряд существующих по этому вопросу работ [29–31], продолжает оставаться актуальным.

Целью данной работы является исследование типологии языковой ситуации в Германии, а также определение ее дифференциальных признаков на современном этапе развития немецкого общества. Для решения этого вопроса становится необходимым описать функционирование немецкого языка в социально и национально неоднородном обществе Германии с привлечением статистических данных ряда социологических и лингвистических исследований, что и определяется в качестве основной задачи предлагаемой работы.

Языковая ситуация – одно из ключевых понятий социолингвистики – представляет собой совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих «континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении» [32, с. 481]. Это явление многоаспектное, характеризующееся многими признаками, поэтому едва ли возможна единая классификация всех существующих языковых ситуаций. В целом, в современной социолингвистике принято различать 2 основные группы языковых ситуаций: 1) экзогlossные – совокупности различных языков; 2) эндогlossные – совокупности подсистем одного языка.

В отношении функции языков/языковых образований ситуации могут быть равнозначными (сбалансированными) и неравнозначными (несбалансированными).

В данной работе предполагается описать языковую ситуацию в Германии как: 1) экзогlossную несбалансированную, принимая во внимание большую долю иммигрантов (7,4 миллиона из 82 миллионов жителей), которые говорят в большинстве своем на языках, неродственных немецкому и имеющих по отношению к нему неравный социальный статус (не используются в качестве государственного или официального языка);

2) эндогlossную несбалансированную, принимая во внимание доминирующую роль немецкого литературного языка среди других подсистем немецкого языка (разговорной разновидности, территориальных и социальных диалектов, арго).

Рассмотрим сначала экзогlossную языковую ситуацию в Германии.

Население Германии представляет собой совокупность разных этнических групп с разным «стажем» проживания на этой территории. Следующие таблицы дадут информацию о количественном соотношении иммигрантов и длительности проживания их в Германии (положение на 31 декабря 1997; 1999 – Источник: Федеральное статистическое управление [33]).

Таблица 1. Количественное соотношение иммигрантов в Германии

Количество (чел.)	Происхождение (страна)	Количество (чел.)	Происхождение (страна)
2 107 000	Турция	88 000	Вьетнам
721 000	Югославия	84 000	Марокко
283 000	Польша	1 847 000	Страны ЕС, из них
207 000	Хорватия	608 000	Италия

114 000	Иран	363 000	Греция
110 000	США	185 000	Австрия
95 000	Румыния	1 710 000	прочие

[34]

Таблица 2. Доля иностранцев в населении Германии (%)

Турция	27,9%	Австрия	2,5%
Югославия	10,0%	Прочие страны ЕС	9,4%
Польша	3,9%	Страны ЕС в целом	25,3%
Хорватия	2,9%	Африка в целом	4,1%
США	1,5%	Азия в целом	11,2%
Италия	8,4%	Прочие государства	13,2%
Греция	5,0%		

[33, с. 45]

Таким образом, самую большую группу сограждан иностранного происхождения составляют турки – 2,1 миллиона человек (первая волна – 1961 год – в результате подписания соглашения между Бонном и Анкарой, разрешающего турецким гражданам работать в Германии); за ними следуют граждане бывшей Югославии (721 000, из них более 350 000 – беженцы). Третью по величине группу составляют итальянцы (608 000 чел.).

Таблица 3. Миграция населения в Германию и из Германии (1999 г.)

	в Германию	из Германии
страны ЕС	169 267 (чел.)	178 252 (чел.)
другие европ. гос-ва	442 278	298 195
Азия	152 492	66 672
Америка	52 186	61 113
Африка	33 381	26 034
Австралия и Океания	3276	4864

За последние 40 лет в Германию иммигрировало более 30 миллионов человек и 21 миллион покинули Федеративную республику. Большое количество иммигрантов в начале 90-х годов (1,5 миллиона в 1992 году) объясняется интенсивным прибытием немецких переселенцев из республик бывшего Советского Союза и других, большей частью восточноевропейских, государств; возросшим числом ищущих убежища; притоком беженцев из бывшей Югославии – с 1991/1992 года; возросшей миграцией из неевропейских стран. В настоящее время этот поток „успокаивается“: в 1999 году в Германию прибыло только около 875 000 человек, покинули Германию 672 000 человек.

Таблица 4. Длительность проживания лиц иностранного происхождения в Германии

Длительность проживания в Германии	Иностранцы (млн. чел.)	На каждых 100 иностранцев
менее 1 года	0,38	6 человек
1 – 4 года	0,16	22
4 – 6 лет	0,98	11
6 – 10 лет	0,71	13
10 – 15 лет	0,66	8
15 – 20 лет	0,75	11
20 – 25 лет	0,76	13
25 – 30 лет	0,96	10
более 30 лет	0,49	6

[35]

Более половины всех иммигрантов (4,1 млн) проживает в Германии уже минимум 10 лет, 30 % – 20 лет и дольше.

По данным журнала «Deutschland» [37, с. 38–39], на территории Германии в периоды после 1-й и 2-й мировых войн оказалось около

4-х миллионов украинцев. В 20-е годы сюда (прежде всего в Берлин) переселились известные украинские художники, писатели, ученые, вынужденные к этому обстоятельствами политического развития и историческими событиями (конфронтация с большевиками, борьба за независимость и др.). В Раштатте, Бадене, Ветцляре и Зальцведеле также основываются украинские культурные учреждения государственного направления: лекционные залы, помещения для театров и школ, открываются церкви, издательства, клубы, мастерские, ателье. Учителя набирались в основном из галицких украинцев, которые были гражданами Австрии. В 20-е годы действовали три больших издательства: «Українське видавництво в Катеринославі» (сначала в Лейпциге и затем в Берлине), «Видавництво української молоді», журнал «Нова Україна» (с 1922 г.) – украинская литературная и научная летопись об общественной, политической и экономической жизни, своеобразная «издательская родина» – «видавничча батьківщина» за границей. Предлагались курсы украинского языка для немецких слушателей. В 1926 году в Берлине был основан Украинский научный

институт.

После 2-й мировой войны на территорию Германии хлынул новый поток украинских беженцев, военнопленных, «восточных рабочих» (Ostarbeiter); туда уехало много писателей из восточных и западных областей Украины. К 1945 году в Германии выходит 4 литературных журнала и 5 украинских газет с литературными приложениями. Островки украинской духовной жизни возникали теперь преимущественно в Мюнхене. Первым шагом к систематизации судьбы украинских эмигрантов 1945–1951 гг. стала монография Маруняка «Українська еміграція в Німеччині й Австрії по другій світовій війні», вышедшая в Мюнхене в 1985 году.

В последние десятилетия из бывшего СССР в Германию переехали почти 4 млн. этнических немцев, а также 200 000 русских, украинцев, белорусов и граждан других республик; примерно 120 000 русскоязычных евреев, получивших с начала 90-х годов право на въезд в Германию; помимо них – диссиденты 70-х годов и русскоговорящие, имеющие супруга/супругу с немецким гражданством [36].

Иностранное население в Германии распределено очень неравномерно. Так, в 4-х западных землях – Баден-Вюртемберге, Баварии, Гессене и Северном Рейне-Вестфалии проживает около 70% всех иммигрантов. В новых федеральных землях доля иностранцев очень невелика. Только в Бранденбурге и Саксонии она составляет более 2%. [34, с. 29].

В крупных городах Германии проживает, согласно данным за 2000 год [33, с.44], следующее количество иммигрантов:

Таблица 5. Распределение граждан иностранного происхождения по городам (%)

Франкфурт/Майн	Мюнхен	Гамбург	Лейпциг
27,9%;	22,5%;	15,4%;	5,2%;
Штутгарт	Кёльн	Берлин	Дрезден
23,9%;	18,8%;	12,8%;	2,8%.

Доля иностранцев по городам в среднем составляет 15%, а в некоторых случаях – гораздо выше.

В Берлине с населением 3,5 млн. – 430 000 составляют иностранцы, из них 136 000 турецкого происхождения; примерно 60 000 человек (выходцы из республик бывшего Советского Союза) насчитывает русскоязычная община, из них русских, украинцев, белорусов и др. национальностей примерно 21 000; евреев – около 5 000; «российских» немцев – 30 000 и несколько тысяч нелегально проживающих в городе русскоязычных лиц [36]. В берлинском районе Кройцберг доля иностранцев составляет 34%, в некоторых классах для 8 из 10 учащихся немецкий язык не является родным. Район Веддинг – второй после Кройцберга по численности иностранцев. Здесь число школьников, для которых немецкий язык не является родным, составляет 84 % [38].

Вследствие недостаточности политических мер, способствующих интеграции живущих в Германии иностранцев, появились так называемые «противостоящие миры». По сути, это миры, опирающиеся на религиозные представления и чувства. Так, исламистское объединение Milli Gögüs насчитывает 26 500 членов (с центром в Кёльне); оно поддерживает 400 мечетей (в одной только Германии) и выступают за открытие при них школ по изучению Корана [39, с. 132, 140]. В Германии существует около 2200 мусульманских общин; 3% населения исповедует ислам. В целом же, по данным ведомства по делам иностранцев при Федеральном правительстве в 1998 году в Германии проживало как минимум 2,5 млн. мусульман, представляющих более 25 наций (Немецкий институт востоковедения в Гамбурге сообщает цифру в 3 млн. чел.). Более двух миллионов из них – турецкие переселенцы; за ними следуют лица из Боснии и Герцеговины (ок. 230 000) и из Ирака (примерно 100 000) [40, с. 2].

Несмотря на большое количество в Германии граждан иностранного происхождения, “иммигрантские” языки используются главным образом в сфере межличностного и внутригруппового общения, в приватной сфере, в то время как немецкий язык (стандарт) остается доминирующим в междугрупповой, межэтнической и общенациональной коммуникации. Об этом свидетельствуют обширные исследования в этой области, в частности, исследования так называемых “языков иностранных рабочих” (например, Г. Малера, Н. Дитмара, В. Клайна и др.). Объектом подобных наблюдений часто является речь детей иностранных рабочих, которые в своем семейном кругу чаще всего говорят только на родном языке – греческом, итальянском, турецком и др.; в общении (игре) с другими детьми они используют как местный диалект, так и социолект немецкоговорящих детей рабочих. В школе они часто сталкиваются с резко отрицательным отношением к своему родному языку, что также вынуждает их быстрее, чем взрослых, овладеть принятым стандартом. Билингвизм широко распространен среди иммигрантов первого и частично второго поколения, предпочитающих пользоваться родным языком в домашнем общении и больше испытывающих трудности при общении на немецком языке, чем лица молодого поколения. “Ломаный немецкий язык” иностранных рабочих иногда воспринимается носителями немецкого языка как выражение языковой несостоятельности, недостаточной интегрированности и часто интерпретируется как признак принадлежности к низшему слою. Однако исследования особенностей речи иностранных рабочих смогли показать, что их язык не следует рассматривать как недостаточный (“defizitär”): он представляет собой по отношению к комплексной грамматической системе немецкого языка сокращенную, но системно замкнутую в себе вариативность; «ошибки» носят регулярный характер, языки рабочих функционально хорошо приспособлены к ситуации их применения. Таким образом, исследования языковой ситуации в гетто иностранных ра-

бочих имеют целью, в частности, посредством лингвистического анализа немецкого языка иностранных рабочих противостоять негативной оценке этой группы меньшинств.

Проявлением неравноправного статуса «иммигрантских» языков в немецком обществе является и тот факт, что влияние их на немецкий язык очень незначительно и чаще всего сводится к отдельным лексическим заимствованиям (в более или менее ограниченных тематических сферах, например, названия продуктов питания, блюд).

Урбанизация населения, а также совокупное влияние школы и средств массовой коммуникации способствуют усилению ассимиляционных процессов. Так, иммигранты, проживающие в сельской местности, в большей степени сохраняют знание родного языка, чем проживающие в городах. А молодое поколение иммигрантов в поисках работы чаще всего оседает именно в городах. Наблюдается тенденция к сокращению числа говорящих на немецких языках (иностранцы представители молодого и среднего поколения пользуются преимущественно немецким языком в школе, вузе, на работе), однако, она реализуется далеко не равномерно. Вероятно, это обусловлено тем аспектом языковых ситуаций, который связан с социально-психологическими установками и ценностной ориентацией (например, высоким уровнем этнического самосознания) иммигрантов.

Таким образом, в экзогlossной ситуации доминирующую роль играет немецкий язык в стандартной или разговорной его форме.

В эндогlossной ситуации немецкий язык также представляет собой полифункциональное образование, выполняющее в максимальном объеме все социальные функции, присущие национальному языку.

Социальные и территориальные диалекты, как правило, монофункциональны, они обслуживают сферу повседневно-бытового общения (чаще в сельской местности) и сферу совместной профессиональной деятельности. Здесь следует отметить, что большая часть населения Германии живет в селах и небольших городах. Они, как правило, пользуются своими местными диалектами, в то время как жители крупных городов (26 млн. в 85 городах с более 100 000 жителей) утрачивают связь с ними [41, с. 7].

Вопросы соотношения диалекта и литературного языка, а именно, вопросы о том, какие социальные, ситуативные и функциональные условия необходимы для выбора диалектной либо литературной (или разговорной) формы, составляют важную область социолингвистических исследований (см., например, труды У.Аммона, Беша, Д. Кюна [42–47]). В диалектных зонах ФРГ между чистым диалектом и литературным стандартом есть еще много ступеней более или менее диалектально окрашенного употребления языка. На выбор между диалектом и литературным языком (Standartsprache) или разговорной его разновидностью (Umgangssprache) в любом случае оказывает влияние место проживания и место работы говорящего, уровень его образования, возраст, половая и социальная принадлежность, а также наличие положительно/отрицательного отношения к диалекту.

У. Аммон приводит следующие таблицы, дающие представление об использовании диалекта представителями различных профессиональных групп с учетом возраста, пола и ситуации общения [48].

Таблица 6. Владение диалектом в зависимости от профессиональной и половой принадлежности (%)

Профессион. группа	Женщины	Мужчины	Разница
Землевладельцы	80,2	90,6	10,4
Земельные рабочие	60,0	88,9	28,9
Прочие рабочие	60,3	61,1	0,7
Квалиф. рабочие/спец.	56,8	64,7	7,9
Неруководящ. служащие	46,6	49,6	3,0
Руководящие служащие	51,5	53,5	2,0
Средн. и мелк. чиновн.	32,0	55,8	23,8
Высокопост. чиновники	22,6	47,1	24,5
Ремесленники, предприниматели	47,3	53,6	6,3
Свободные профессии	30,4	53,3	22,9

Таблица 7. Употребление диалекта в ФРГ в зависимости от возраста и ситуации (%)

ситуация/пол	16-19 лет	30-44 года	45-59 лет	старше 60 лет
В семье:				
Мужчины	75,0	75,6	81,3	87,8
Женщины	85,7	80,6	81,1	88,5
В кругу друзей:				
Мужчины	76,5	77,9	79,2	81,1
Женщины	68,3	63,1	73,1	75,0
На работе:				
Мужчины	58,3	59,3	65,6	44,4*
Женщины	42,9	39,8	40,5	34,4*

* Частично в пенсионном возрасте.

Таким образом, различные профессиональные группы и социальные слои явно отличаются друг от друга в употреблении диалекта, и диалект не во всех ситуациях используется равным образом – в сельской

местности, например, более часто, чем в городской.

У. Аммон делает вывод о том, что менее образованные носители языка, имеющие в среднем меньший доход, больше говорят на диалекте. Прежде всего, это диалект ярко выраженный, который сильно отличается от литературного языка и с трудом понимается говорящими на диалекте другого региона. Представители же профессий более высоких социальных слоев чаще употребляют литературный язык. Служащие и чиновники более высокого ранга по профессиональным обязанностям вступают в контакт с людьми за рамками своей диалектной зоны. Фермеры и рабочие, напротив, не сталкиваются с трудностями понимания их диалектной речи, так как их собеседники сами пользуются этим же диалектом.

Внутри социальных слоев и профессиональных групп имеются колебания в употреблении диалекта в зависимости от ситуации общения. Так, например, фермер избегает пользоваться ярко выраженными диалектными формами, когда приходит в какое-либо учреждение, и, наоборот, чиновник или служащий (например, учитель) в семье или в привычном кругу друзей больше склоняется к употреблению диалекта [49, с. 18–19].

В Северной Германии гораздо шире, чем на Юге, употребляется литературный язык. По данным института демоскопии в Алленсбахе (1966) в области между Рейном и Майном и на юго-западе Германии 74% взрослого населения регулярно говорят на диалекте [49, с. 18]. Это, по шутливому замечанию Н. Лёффлера, объясняется тем, что, поскольку литературный язык складывался на базе более южных диалектов, то северным немцам нужно приложить усилия и овладеть им, если они “хотят участвовать в языковом бизнесе и продолжать читать книги. Для южных же немцев никогда не существовало необходимости по-настоящему учить новый язык, так как они его и без того всегда хорошо понимали. В результате у них сегодня, по крайней мере в школе, есть проблемы с употреблением литературного языка” [50, с.22].

Диалект имеет ограниченную сферу функционирования в немецком обществе – он не подходит для экономической и финансовой среды, поскольку здесь он наталкивается на собственные синтаксические границы: конструкции предложений чаще всего просты, коротки, присоединяющиеся друг к другу. Для диалекта не свойственны придаточные относительные, дополнительные или ограничительные предложения, причастные обороты и др. Существует, однако, область, где строгого разграничения между литературным языком и диалектом не происходит – это политика. Избирателю, например, чаще всего близки политики, говорящие на его родном наречии (рейнский акцент Конрада Аденауэра). Таким образом, диалект может стать средством завоевания симпатии избирателей во время предвыборной компании [51, с. 24].

Литературный немецкий язык по сравнению с диалектами имеет высокий социальный статус. Повсеместная установка на овладение литературной нормой и употребление его в школе и других сферах не мешает, однако, проникновению диалектных форм в такие типы текстов, как информационные радиопередачи, реклама, брачные объявления и т.п. Диалект находит применение в поэзии и прозе как нечто родное, традиционное, создающее и укрепляющее региональную идентичность [47, с. 34].

Следует отметить, что после образования двух немецких государств на территории послевоенной Германии (1949 г.) наблюдался процесс разобщения немецкого языка, на что указывает ряд исследователей в этой области [52-60]. Этот процесс происходил тем быстрее, чем быстрее шли социально-экономические преобразования в бывшей теперь ГДР. Дивергентным развитием оказались охвачены определенные части словаря. Иоахим Хёппнер отмечает, что «в период перехода от капиталистического общества к социалистическому» происходят более радикальные изменения, в том числе и в области значения слов [61, с. 584-585]. Он подчеркивает, что единство немецкого языка в обоих немецких государствах может основываться на “единстве образа мышления” (Denkweise), зависящего от единства образа жизни” (Einheit der Lebensweise). В восточной Германии число словарных новообразований значительно больше, чем в западной [57, с.9; 62]. Изменившаяся в двух различных направлениях немецкая действительность не могла не привести к дифференциации и в языковом узусе обоих германских государств. В. Нейманн и Р. Клаппенбах в предисловии к словарю «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» указывают, что дальнейшие его выпуски (это был 31-й) будут содержать указания о языковых различиях между ГДР и ФРГ, в которых «манифестируется экономическая, политическая и в особенности идеологическая конфронтация двух мировых систем» [63]. “Там, где группа людей, говорящих на одном языке, разъединены, речь обособившихся объединений приобретает в конце концов свои характерные черты” [64, с. 112], то есть, язык сохраняет свои идентичные черты лишь на определенной части территории своего распространения и лишь при определенных условиях. Тем не менее, язык был и остается единым для всех немцев, проживающих в ГДР и ФРГ. Процесс разобщения не затронул ни произношение, ни правописание, ни грамматический строй. Он не коснулся также основной части словарного состава языка. Общность языка была одним из элементов, которые впоследствии снова объединили нацию. Однако, для достижения внутреннего единства, когда исчезнут „Ossis“ и „Wessis“, понадобится несравненно больше времени и усилий.

Итак, обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что социолингвистическое исследование языковой ситуации осуществляется в двух ее измерениях – горизонтальном (социально-функциональное распределение компонентов языковой системы) и вертикальном (иерархия этих компонентов). Кроме того, на формирование языковой ситуации оказывает влияние, с одной стороны, фактор субъективной ценностной ориентации языковых коллективов на тот или иной язык/вариант языка и, с другой, языковая политика, проводимая в данном обществе, а также другие внешнеязыковые факторы: экономические, исторические, демографические, географические, социально-политические и политические.

Языковая ситуация в Германии была исследована также с двух позиций и определена, с одной сторо-

ны, как экзогlossная несбалансированная (сосуществование немецкого языка и языков иммигрантов, большей частью неродственных и имеющих неравный по отношению к немецкому языку социальный статус); с другой стороны – как эндогlossная несбалансированная (доминирующая роль немецкого литературного языка среди других подсистем немецкого языка).

В качестве дифференциальных признаков, значимых для типологии языковой ситуации (ЯС) в Германии, можно выделить следующие:

- 1) многокомпонентность ЯС – наличие литературной, разговорной, диалектных и социолектных языковых форм;
- 2) демографическая неравносность ЯС – процент населения, говорящего на немецком языке, больше, чем процент населения, говорящего на других языках;
- 3) коммуникативная неравносность (несбалансированность) ЯС – немецкий стандартный язык далеко опережает другие языки по числу коммуникативных функций;
- 4) нетождественность юридических статусов – один государственный язык – и
- 5) неродственность языков, составляющих ЯС в Германии – турецкий, арабский, славянские языки, греческий, китайский, японский и др.

Перспективным представляется детальное исследование языковой ситуации в Германии в современный период, а именно, выявление тех языковых/речевых особенностей, которые обусловлены существованием языка в условиях объединенной Германии, когда произошла ломка экономического и политического уклада Восточной Германии, появилась возможность свободного перемещения граждан в новых границах государства (смена места работы или места жительства), изменилось соотношение элементов социальной структуры объединенной Германии, количества носителей диалектных и разговорно-литературных форм языка. В условиях продолжающегося процесса миграции в рамках объединенной Европы, меняющейся языковой политики (в частности, дискуссии о необходимости принятия закона о чистоте немецкого языка, аналогичного такому закону во Франции – как реакция на мощное проникновение в немецкий язык англоязычных заимствований) становится необходимым комплексный анализ складывающейся в Германии новой языковой ситуации, а также прогнозирование ее дальнейшего развития. Интерес представляет и вопрос о том, может ли языковая ситуация в Германии из многокомпонентной одноязычной превратиться в многокомпонентную дву- или многоязычную (характерную, к примеру, для Швейцарии) вследствие интенсивных и долговременных контактов народов, живущих на территории этой страны.

Источники и литература

1. Алпатов В.М. Общественное сознание и языковая политика в СССР (20–40-е гг.) // Язык в контексте общественного развития. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1994.
2. Алпатов В.М. – 150 языков и политика. – М., 1997.
3. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / (Ю.Д. Дешериев, М.В. Панов, Э.Г. Туманян и др.) Отв. ред. Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1988. – 198 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972.
5. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики // ВЯ, 1989. – № 5. – С. 104–133.
6. Губогло М.Н. Этнолингвистические контакты и двуязычие // Социальное и национальное. – М., 1972.
7. Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических государствах. – М., 1996.
8. Жлуктенко Ю.О. Органічність мови як соціолінгвістичний параметр багатомовної ситуації / Мовознавство, № 4, 1987. – С. 13–19.
9. Жлуктенко Ю.О. Мовні контакти (проблеми інтерлінгвістики). – К, 1984. – 135 с.
10. Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. Отв. ред. В.М. Панькин. М.: Азъ, 1994.
11. Межъязыковые отношения и языковая политика: Капиталистические государства и страны «третьего мира» / (В.Г. Гак, А.И. Домашнев, Ю.А. Жлуктенко и др.) Отв. ред. Ю.А. Жлуктенко; АНУССР, Институт языковедения им. А.А. Потебни. – К.: Наукова думка, 1988. – 212 с.
12. Семенец О.Є. Соціальні процеси і мовна дійсність: Англійська мова в країнах Азії і Африки. – К., 1984.
13. Семенец О.Є. Социальный контекст и языковое состояние: Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. – К., 1985. – 175 с.
14. Семенец О. Є. Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови // Мовознавство. – 1986. – №5. – С. 8–13.
15. Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов. – На матеріалі слов'яно-східнороманських мовних контактів. – К.: «Вища школа», 1974. – 256 с.
16. Ткаченко О.Б. До соціолінгвістичної оцінки мов // Мовознавство. – 1988. – №2. – С. 23–31.
17. Ткаченко О.Б. К социолингвистической классификации языков // Культура народов Причерноморья. – 2001. - №19. – С. 15–40.

18. Туманян Э.Г. Законы о языках и возможность их реализации // Язык в контексте общественного развития. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1994.
19. Чередниченко А.И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. – К., 1983. – 166 с.
20. Чередниченко О.І. Взаємодія мов, двомовність; мовленнєва культура // Мови Європейського культурного ареалу: розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С. 99–110.
21. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983.
22. Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка // ВЯ, 1982. – № 5.
23. Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000.
24. Язык, культура, этнос. – М.: Наука, 1994 (Разд.2. Ст.: К. Бузашовой и С. Ондрейович; В.Г. Гака; Л.Б. Никольского; В.Ю. Михальченко).
25. Социальная лингвистика и общественная практика (Аспекты социокультурного варьирования полиэтничного английского языка) / Ю.А. Жлуктенко, Ю.А. Зацный, А.Д. Швейцер; под ред. О. Е. Семенца. – К.: Выща школа, изд-во при Киевском ун-те, 1988. – 168 с. (Ст. А.Д. Швейцера - Языковая ситуация в США; Ю.А. Жлуктенко – Вариативность английского языка Великобритании; Г.А. Орлова – Австралийский английский: статус и основные особенности и др.)
26. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). – М., 1928.
27. Карцевский С.И. Язык, война и революция. – Берлин, 1923. (или: Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 215–266).
28. Клемперер В. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.
29. Исаев Э.Ш. Тенденции развития произношения старшеклассников Германии: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – К.: 1998. – 181 с.
30. Петренко А.Д. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР. Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1986. – 203с.
31. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – К.: «Рідна мова», 1998. – 251 с.
32. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
33. Deutschland. – 2000. – N 6.
34. Spiegel. – 1999. – N 2.
35. FAZ (Frankfurter allgemeine Zeitung). 19.06.1997.
36. FAZ (Frankfurter allgemeine Zeitung). 8.01.1997
37. Deutschland. – 1995. – N. 3.
38. Berliner Zeitung. – 16.1.2001.
39. Verlockender Fundamentalismus. – Frankfurt/Main, 1997.
40. Peter Frisch. Die Beobachtung islamistischer Bestrebungen als Aufgabe des Verfassungsschutzes. Herausgeber: Bundesamt für Verfassungsschutz. – Köln, April 1998.
41. Германия - факты. – Франкфурт-на-Майне, 1999. – 492 с.
42. Ammon U. Probleme der Soziolinguistik. – 2. Aufl. – Tübingen, 1977.
43. Ammon U. Dialekt und Einheitssprache in ihrer sozialen Verflechtung. – Weinheim, Basel: Beltz – Verlag, 1973.
44. Ammon U. Dialekt, soziale Ungleichheit und Schule. – 2. erw. Aufl. – Weinheim, Basel, 1973.
45. Besch W. Dialekt als Barriere bei der Erlernung der Standardsprache // Sprachwissenschaft und Sprachdidaktik. Jahrbuch 1974 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf, 1975. – S. 150–165.
46. Kühn D. Mundart – Hochsprache, eine Konfrontation // Akzente. Heft 4, 1976.
47. Ammon U. Berufsgruppen und Dialekt // Sprachhorizonte. Heft 38 / Hans - R. Fluck, Michael Maier. Dialekt und Dialektliteratur. – Dortmund: Grüwell Konkordia, 1979. – S. 24–26.
48. Ammon U. Begriffsbestimmung und soziale Verteilung des Dialekts // U. Ammon, U. Knoop, J. Radtke. Grundlagen einer dialektorientierten Sprachdidaktik. – Weinheim, Basel, 1978.
49. Ammon U., Loewer U. Schwäbisch // Dialekt/Hochsprache – kontrastiv., hrsg. von W. Besch, H. Löffler, Hans H. Reich. Heft 4. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1977. – 99 S.
50. Löffler H. Warum man im Norden weniger Dialekt spricht // Sprachhorizonte. Heft 38 / Hans - R. Fluck, Michael Maier. Dialekt und Dialektliteratur. – Dortmund: Grüwell Konkordia, 1979. – S. 24–26.
51. Kühn D. Mundart gegen Hochsprache // Sprachhorizonte. Heft 38 / Hans - R. Fluck, Michael Maier. Dialekt und Dialektliteratur. – Dortmund: Grüwell Konkordia, 1979. – S. 24–26.
52. Betz W. Zwei Sprachen in Deutschland? „Deutsch - gefrorene Sprache?“ // Literarisches Colloquium – Berlin, 1964.
53. Weisgerber L. Die deutsche Sprache im Kalten Krieg // Sprachliche Entfremdung zwischen Ost und West? „Deutsche Rundschau“, LXXXIX, 1963, 6.
54. Gernentz H.J. Zum Problem der Differenzierung der deutschen Sprache in beiden deutschen Staaten // Weimarer Beiträge. – N 3. – 1967.
55. Koliw M. Einige Bemerkungen zu westdeutschen Veröffentlichungen über die Entwicklung der deutschen Sprache in beiden deutschen Staaten // Weimarer Beiträge. – N3. – 1967.

56. Korlen G. Führt die Teilung Deutschlands zur Sprachspaltung? // Satz und Wort im heutigen Deutsch. Schriften des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim, Bd. 1, Jahrbuch 1965/1966. – Düsseldorf, 1967.
57. Moser H. Sprachliche Folgen der politischen Teilung Deutschlands // Beihefte zum „Wirkenden Wort“. – Düsseldorf: 3. Pädagogischer Verlag Schwann, 1962.
58. Moser H. Das Aueler Protokoll // Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost. „Die Sprache im geteilten Deutschland“, 1. – Düsseldorf, 1964.
59. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. – М.: Просвещение, 1971.
60. Розен Е.В. Современные вокабулярные неологизмы. Опыт социолингвистического исследования на материале немецкого языка (ГДР и ФРГ): Дис...докт. филол. наук. - М., 1971.
61. Höppner J. Über die deutsche Sprache und die beiden Staaten // Weimarer Beiträge, III, 1963.
62. Домашнев А.И. Куда идет «Binnendeutsch»? // ИЯШ, № 5. – М., 1972.
63. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach u.a. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 31. Lieferung, 1970.
64. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография. – М.: Иностранная литература, 1955.

Прутчикова В.В.

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОСЛОВИЦ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В последние десятилетия наметилась тенденция к более широкому коммуникативному и семантическому анализу пословиц (до сих пор они рассматривались в основном с точки зрения семиотики, фразеологии или фольклористики), увеличилось количество семантико-синтаксических и коммуникативно-прагматических исследований, в которых особое внимание уделяется феноменам полифункциональности, полиситуативности и полисемантической пословиц и поговорок (см., например, [1; 11; 12; 15]).

Актуальность изучения пословиц как речевых действий обусловлена тем, что реализация их интенции в интерактивном процессе выходит далеко за пределы самого иллокутивного акта, поскольку конечной целью использования пословиц является достижение определенного перлокутивного эффекта. Определение взаимоотношений между иллокуцией и перлокуцией, а также прогнозирование перлокутивного эффекта, как отмечает Н. Зауэр [22, с. 49], достаточно затруднено, т.к. «нет языковых средств, которые определяли бы осуществление перлокутивного действия в соответствии с некими конститутивными правилами», в противоположность иллокутивному акту, регулярность актуализации которого регламентируется намерениями говорящего. Представляется, что пословицы можно отнести к конвенционализированным речевым актам (РА), в силу чего их перлокутивное воздействие может быть спрогнозированным.

Предметом исследования данной статьи являются речевые тактики, осуществляемые с помощью пословичного высказывания (ПВ), а целью – определение роли пословиц в осуществлении коммуникативной стратегии в рекламном дискурсе.

М.Д. Городникова и Д.О. Добровольский [3, с. 10] справедливо считают, что некоторые типы высказываний довольно тесно привязаны к определенным жизненным ситуациям и их употребляют стереотипно, почти автоматически, часто и не отдавая себе в этом отчета. Еще в 1923 году Л.П. Якубинский [16, с. 45-47] обратил внимание на известную шаблонность социальных взаимодействий, а также на прочную и стабильную ассоциативную связь между определенными жизненными ситуациями и средствами их вербализации. Постоянное упоминание о них в повседневном общении влечет за собой возрастание клишированности, вплоть до полной фразеологизации.

Пословицы также стабильно ассоциируются с типизированными социальными ситуациями и их можно отнести к конвенционально используемым средствам в процессе речевой деятельности, поскольку они практически представляют собой «социальное решение ситуаций» [17, с. 529], служат в качестве неких «обобществленных максим» (socialisation maxims) [24], а люди, попадая в социально стереотипные ситуации, нередко прибегают именно к пословицам в решении некоторых проблем общения [23].

Как фразеологические высказывания, пословицы «удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» [14, с. 54]. Несмотря на свою когнитивно индивидуальную природу, в условиях живого общения пословицы выступают как устоявшиеся автосемантические концептуализации и служат некими фреймовыми моделями, репрезентируя коллективное знание (Repräsentationsrahmen für kollektives Wissen) [18, с. 63]. В этом смысле пословицы являются своего рода «пакетами информации» о различных областях знания в деятельности человека [5], которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций.

Включая пословицу в дискурс и учитывая условия конкретной речевой ситуации, говорящий использует ту или иную стратегию, под которой О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина [2, с. 208] понимают «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения». Стремясь воздействовать определенным образом на вербальную, ментальную, физическую деятельность адресата, говорящий прибегает к определенным речевым тактикам, т.е. тем речевым приемам, которые позволяют достичь поставленных целей в конкретной ситуации общения [6, с. 208]. При этом говорящий прогнозирует интерактивную компетенцию адресата, его «коммуникативно-деятельностные потребности» [6, с. 211] и, организуя дискурс, стремится к тому, чтобы его прочтение ад-